

ПРИНЦИПЫ ВОССОЗДАНИЯ МЕСТНОГО КОЛОРИТА В РЕТРОДЕТЕКТИВАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Современный российский исторический детектив возник не на голом месте. Истоки его можно проследить, начиная с 60-х годов XX века. Появляются произведения, в которых действие происходит в прошлом (далеком и относительно близком). Среди российских исторических детективов выделяются романы Анатолия Безуглова и Юрия Кларова «Конец Хитрова рынка», Ю.Кларова «Чёрный треугольник», Эдуарда Хруцкого «Приступить к ликвидации», Аркадия и Георгия Вайнеров «Эра милосердия», Николая Леонова «Трактир на Пятницкой». Эти книги, посвященные первым послеоктябрьским годам либо военному (послевоенному) периоду, именовались литературоведами и критиками «героико-приключенческими».

Действие нескольких русских исторических детективов советской поры происходит в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Наиболее заметные явления здесь – романы Э.Хруцкого «Приступить к ликвидации. 1943» и «Эра Милосердия» А. и Г.Вайнеров. Обе книги очень похожи между собой в сюжетном плане. И в первой, и во второй повествуется о ликвидации сотрудниками МУРа особо опасных банд. Вместе с тем «Эра милосердия» значительно отличается от романа Хруцкого по способу организации повествования, расстановки образов, отражения местного колорита. Вопрос о художественных особенностях русских ретродетективов о Великой Отечественной войне еще не получил должного освещения в научной литературе. Между тем осмысление этого материала во многом способствует углублению наших представлений о поэтике исторического детектива. Не ставя перед собой задачу дать исчерпывающий анализ романов «Приступить к ликвидации» и «Эра милосердия», мы ограничились проблемой, связанной с особенностями воссоздания в этих книгах местного колорита.

В романе «Приступить к ликвидации» автор предпринял небезуспешную попытку воссоздать атмосферу военной Москвы. Сделать это Хруцкому было не очень сложно. На протяжении всего повествования он вводит конкретные реалии и признаки времени. Это, как правило, небольшие авторские отступления. Так, например, замечается: «Приказ о переходе на новую форму одежды объявили в начале января; часть сотрудников красовалась в коридорах Петровки в синих, почти морских кителях с узкими серебряными погонами, а остальные ходили еще в форме с петлицами» [4,243]. Или: «Людей на улицах было больше, правда, преобладают военные, из витрин магазинов убрали мешки с песком, с домов сняли маскировочные щиты. Нет уже крест-накрест заколоченных дверей. И очередей у магазинов нет, потому что работающих магазинов стало больше. Да, изменилась Москва. Убрали противотанковые ежи

с улиц, зенитки не стоят в скверах. Тыловым стал город, тыловым потому что война откатилась на запад» [4,318]. Характеристика времени действия дается и в разговорах персонажей произведения.

И все же книга Хруцкого почти не воспринимается как исторический детектив. Возможно, причиной тому является небольшая отдаленность во времени описываемых в ней событий от современности. Произведения, действие которых происходит в начале XX века, в этом отношении более колоритны. «Приступить к ликвидации» мало чем отличается от прочих военно-приключенческих романов, таких, например, как «Сильные духом» Медведева, «Семнадцать мгновений весны», «Приступить к ликвидации», «Третья карта» Ю.Семенова и др. Перечисленные произведения даже намного ближе к историческому жанру, поскольку в них действуют реальные персонажи истории, ткань повествования перенасыщена документальными вкраплениями, т.е. имеется многое из того, что мы отмечали выше в качестве типологических признаков ретродетектива.

«Эра Милосердия» братьев Вайнеров, пожалуй, самый знаменитый в советской литературе ретродетектив. Думается, причина его феноменальной популярности кроется не столько в художественных особенностях самой книги, сколько в том, что она стала основой для многосерийного фильма «Место встречи изменить нельзя», где роли Шарапова и Жеглова сыграли Владимир Конкин и Владимир Высоцкий. Фильм намного ярче и убедительнее воспроизводит историческую эпоху, чем его литературная основа.

Роман представляет собой совершенно иной тип советского ретродетектива, чем названные выше произведения «героико-приключенческого» жанра. Там у авторов была совершенно четкая установка на то, чтобы написать детектив о *не своем* времени. Для этого они и использовали приемы, характерные для совершенно иной жанровой разновидности эпической прозы – романа исторического. Книга братьев Вайнеров, будучи по ряду внешних признаков исторической, на самом деле значительно расширяет тесные рамки жанра. Здесь мало уделяется места воспроизведению местного колорита традиционными художественными средствами. Эпоха показана не через вещный мир или характеристику общественно-политической обстановки в стране, а через поступки и психологию людей, главным образом двух героев – Глеба Жеглова и Владимира Шарапова.

Палитра художественных приемов, к которым прибегают Вайнеры, небогата. Прежде всего, это использование врезок из советских газет второй половины 1945 года. Они отделяют одну главу романа от следующей. Подбор цитат кажется случайным. Тут и объявление о защите кандидатской диссертации, и информация о количестве московских многодетных матерей, удостоенных ордена «Мать-героиня», и заметка о начале массового тиража шампанского: «На созданном в дни войны Московском заводе шампанских вин начался, как говорят виноделы, массовый тираж шампанского. Молодые вина,

выдержанные здесь в течение двух лет, разливаются в бутылки для брожения и дальнейшей обработки. В нынешнем году Московский завод шампанских вин выпускает в продажу «советское шампанское», изготовленное из вин «Абрау-Дюрсо» и «Тбилиси» [2,290]. Беззаботная, ничем не связанная с основным сюжетом информация. Однако постепенно из этих разрозненных вырезок складывается четкая панорама страны, пережившей тяжелейшую войну, страшную трагедию и, наконец-то, вступившей на мирные рельсы.

Но данного материала явно недостаточно, чтобы массовый читатель, особенно та часть аудитории, которой не довелось пережить и помнить войну, получила четкое представление о временной отнесенности событий романа. С таким же успехом действие «Эры Милосердия» могло бы происходить в любой из первых послевоенных годов. Поэтому соавторы часть информации об эпохе сообщают в прямой речи персонажей, используя распространенный в исторической прозе метод «шифровки текста», предложенный еще Вальтером Скоттом. Вот, например, разговор между Шараповым и Варей Синичкиной, происходящий в день первой встречи молодых людей:

«- Вы давно в уголовном розыске служите?

Мне было как-то неловко сказать, что сегодня фактически второй день, и я бормотнул уклончиво:

- Да нет, недавно. Я после фронта.

- А я просилась на фронт – не пустили. Вы не слышали, скоро будет демобилизация женщин из милиции?

- Не слышал, но думаю, что скоро. Когда я в кадрах оформлялся, слышал там разговор, что сейчас большое пополнение идет за счет фронтовиков» [2,31].

Еще одним приемом для воссоздания местного колорита становятся воспоминания рассказчика. Повествование ведется от лица Владимира Шарапова. Фронтвик, только что вернувшийся домой, он еще весь там, на войне. Любой поступок, любое происшествие Шарапов анализирует и соотносит с тем, что ему довелось испытать и пережить на фронте: «Я ушел на фронт мальчишкой, и весь свой жизненный опыт приобрел на войне. И, наверное, поэтому смотрел на мир глазами человека, у которого в руках всегда есть оружие; и от этого безоружные мирные люди невольно казались мне слабыми и всегда нуждающимися в защите» [2,13]. Контрастом с мирными днями являются картины военных будней, встающие перед глазами рассказчика. И мы видим, что, по сути, то, чем занимается бывший военный разведчик Шарапов, тоже своего рода бой. Тяжелый, выматывающий, изнуряющий. И главное, что требуется от человека, вышедшего на этот огневой рубеж, - сохранить в себе человечность. Таков смысл названия книги.

Книга заключает в себе два конфликта. Один ярко антагонистический, происходящий на уровне оппозиции «свое» - «чужое», - противостояние сотрудников милиции с бандой «Черная кошка». Второй конфликт имеет моральную подоплеку и происходит внутри группы положительных персонажей. Это противостояние двух правд, двух методов ведения

расследования, олицетворенное фигурами Жеглова и Шарапова. Бывший фронтовик, который в начале своей новой деятельности еще руководствуется только двумя понятиями: «свой» - «чужой», впоследствии понимает, что фронт и мирная жизнь – это не одно и то же. Все намного сложнее и не может быть описано лишь с помощью двух слов. Жизнь многогранна. Жеглов представляет собой тип профессионального милиционера, который привык действовать методами, не совсем совместимыми с понятием законности. Главное для него, чтобы торжествовал Закон, а для достижения этого, как он считает, все средства хороши. «Я так понимаю, - возражает Жеглову Шарапов, - что если закон один разок под один случай подмять, потом под другой, потом начать им затыкать дыры каждый раз в следствии, как только нам с тобой понадобится, то это не закон тогда станет, а кистень! Да, кистень...» [2,160]. Постепенно антагонизм героев усугубляется и приводит к их окончательному разрыву. Он не показан в романе, но из намеков рассказчика об этом можно догадаться.

«Эра Милосердия» находится в той же жанровой плоскости, что и ряд произведений исторического жанра, написанных в то же время. В 70-е годы в советской литературе появляется такая разновидность исторического романа, как лирический роман. В первую очередь здесь следует назвать произведения Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом», роман Яана Кросса «Императорский безумец». Это романы-исповеди, где на передний план выступают не бурные исторические события, а жизнь и переживания маленького человека, находящегося на периферии истории.

Опыт Эдуарда Хруцкого и братьев Вайнеров по созданию философского исторического детектива широко не привился на почве российского ретродетектива. Современные авторы предпочитают эксплуатировать более сенсационные сюжеты с «разоблачениями» загадок истории, с привлечением массы известных исторических персонажей, с кровавыми шокирующими преступлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамов А.Г. Мой любимый жанр – детектив. – М.: Сов. писатель, 1980.
2. Вайнер А., Вайнер Г. Место встречи изменить нельзя: Роман. – М.: АСТ, 2001.
3. Вулис А.З. Серьезность несерьезных ситуаций: сатира, приключения, детектив. – Т.: Изд-во литературы и искусства, 1984.
4. Хруцкий Э. Приступить к ликвидации. 1943 // Кларов Ю. Черный треугольник; Хруцкий Э. Приступить к ликвидации. 1943; Словин Л. Дополнительный прибывает на второй путь: Романы, повесть. – Х.: Прапор, 1994.

АННОТАЦИЯ

Черная В.Л. Принципы воссоздания местного колорита в ретродетективах о Великой Отечественной войне.

Статья посвящена анализу русских исторических детективов, написанных на материале событий Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. Рассмотрены романы Эдуарда Хруцкого «Приступить к ликвидации» и братьев Вайнеров «Эра милосердия». В частности, изучены особенности воссоздания в этих произведениях местного колорита.

Ключевые слова: ретродетектив, местный колорит.

АНОТАЦІЯ

Чорна В.Л. Принципи відтворення місцевого колориту у ретродетективах про Велику Вітчизняну війну.

Статтю присвячено аналізу російських історичних детективів, що були написані на матеріалі подій Великої Вітчизняної війни та перших повоєнних років. Розглянуто романи Едуарда Хруцького «Приступити до ліквідації» та братів Вайнерів «Ера милосердя». Зокрема вивчено особливості відтворення в цих книгах місцевого колориту.

Ключові слова: ретродетективе, місцевий колорит.

SUMMARY

Chorna V.L. The principles of colour locale reflection in the historical mysteries about the Great Patriotic War.

The article is devoted to the analysis of Russian historical mysteries which were based on the events of the Great Patriotic War and the first years after the war. The novel by Edward Khrutsky "Start the Liquidation" and the novel by the Weiner brothers "Charity Era" are examined. In particular, the peculiarities of colour locale reflection in these novels are studied.

Key words: historical mystery, colour locale.

Статья отрецензирована и рекомендована к печати канд. филол. наук, доцентом Л.В. Герман